

УДК 316.3(477)

ББК 60.53(4УКР)

Назаркина, В.Н.|| Подольская, Т.В.

Социальный кризис: сущность, этапы, варианты выхода в Украине

Nazarkina, V.|| Podolskaya, T.

Social crisis: essence and options to overcome the crisis in Ukraine

Выявлена сущность социального кризиса, характерные черты его динамики и стадии в современной Украине. Раскрыты особенности дискурса травмы, выделены основные уровни травмирующего воздействия на граждан. Определены трудности разрешения кризисной ситуации и типы реагирования украинцев на проблемы в нестабильном обществе. Обозначены стратегические цели социальной политики в плане переориентации запросов граждан в модернизационном, а не в традиционном направлении. Предложены варианты выхода из кризиса в Украине

Essence of social crisis as well as the characteristic features of its dynamics and stage are revealed in modern Ukraine. Particularities of discourse of trauma are disclosed. Main levels of traumatic effects on citizens are identified. Difficulties of resolving a crisis situation and types of response of Ukrainians to the problems are determined in unstable society. Strategic objectives of social policy are defined in terms of reorientation requests of citizens in the modernization, while not in the traditional direction. Options of recovery from the crisis in Ukraine are offered.

ДИСКУРС КРИЗИСА|| ДИСКУРС ТРАВМЫ|| КРИЗИСНОЕ СОЗНАНИЕ|| НАПРЯЖЕННОСТЬ|| СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС|| ТРАНСФОРМАЦИЯ|| ТРЕВОЖНОСТЬ

DISCOURSE OF CRISIS|| DISCOURSE OF TRAUMA|| CRISIS OF CONSCIOUSNESS|| TENSION|| SOCIAL CRISIS|| TRANSFORMATION|| ANXIETY

Переходное состояние социальной системы, которое предполагает радикальные изменения для решения возникших проблем, – это социальный кризис. Социальная система функционирует и развивается до тех пор, пока

она способна разрешать свои внутренние противоречия и отвечать на внешние «вызовы».

Со второй половины XX века критика отдельных сторон современности перерождается в тотальное неприятие современной общественной жизни – появляются катастрофические картины будущего, теория прогресса теряет смысл, а социальные изменения воспринимаются как постоянный, непреодолимый, «хронический» кризис, в результате формируется «*дискурс кризиса*».

Рассматривая кризис как перерыв в функционировании социальной системы с позитивным для нее или негативным исходом, мы акцентируем внимание на таких характерных чертах динамики кризиса: скорость, неожиданность, затяжной характер. В условиях кризиса система не может развиваться дальше, она исчерпала ресурсы и смысл существования, наталкивается на сопротивление извне, осознает внешний предел эволюции. Мы согласны с мнением С. Л. Катаева, который выделяет следующие *стадии кризиса*: 1) предкризисная, когда выявляются первые симптомы и причины возможного кризиса, а система входит в зону насыщения, в которой ее потенциал исчерпывается; 2) кульминация кризиса, достижение границ развития; 3) разрушение системы либо ее переход в новое состояние, образование новой системы [3, с. 55].

В то же время появляется третья «идея, согласно которой сама по себе изменчивость может подрывать нормальный ход общественной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние своеобразной «травмы». Петр Штомпка, анализируя социальные перемены в современном обществе, предлагает обозначить новое направление социальной мысли как *дискурс травмы*, включая сюда новые критические мотивы, которые имеют отношение к самой изменчивости жизни, агрессивности перемен, недовольство темпами и направленностью преобразований современной формации [6, с. 472].

Источником травмы чаще всего становятся изменения, которые носят

резкий, внезапный характер, охватывают одновременно различные области общественной жизни; это глубокие, шокирующие, радикальные изменения, затрагивающие главные для данной группы ценности, правила, убеждения.

Даже если травматогенные изменения ожидаемы и в целом прогрессивны, они все равно неблагоприятно воздействуют на общество, вносят дезорганизацию, нарушают равновесие в обществе. Наиболее уязвимой сферой в этом плане является культура как универсум ценностей, правил, образцов, символов, ведь культура – это та область, где кодируется идентичность и непрерывность развития общества. Изменения имеют травматические последствия и на индивидуальном уровне, поскольку угрожают таким ценностям человека, как постоянство, уверенность, безопасность, возможность предвидеть социальные последствия.

Стрессовые и шокирующие изменения во всем мире и, в том числе в Украине, имеют разную меру реальности. Некоторые изменения выражаются в объективных событиях и приводят к действительному изменению положения групп или обществ, к изменению их культурной идентичности: а) в ситуации широкого распространения культурных контактов столкновения и конфликтов разных культур (колониализм, «вестернизация», культурный плюрализм и смешение культур); б) сообщества поддаются воздействию чужой культуры в результате миграций, политической эмиграции; в) изменения в политической и экономической сфере требуют приспособления к ним культурных правил, укоренившихся в традиции (например, ориентированные на рыночную систему и демократию изменения в Восточной Европе после падения коммунистических режимов) [6, с. 475].

Наряду с реальными изменениями этих трех типов происходят также изменения восприятия и интерпретации событий, когда подвергаются ревизии определенные традиции и оценки, заново переписывается история, вместо одних героических мифов формируются другие, актуализируются те этнические и религиозные традиции, которые не были востребованы прежними поколениями. К травматическим результатам нередко приводят и

воображаемые, лишённые реальности, виртуальные изменения, основанные на слухах, мифах, пересудах.

Петр Штомпка выделяет три уровня культурной травмы.

1. В масштабе *индивидуальной биографии* человека в результате травматогенных изменений приходит в возбуждение и разрушается стабильный мир усвоенных навыков, обычаев, смыслов. В профессиональной сфере это может быть потеря работы или уход на пенсию; в семье – заключение брака, смерть кого-то из близких, рождение ребенка и т. д.; в социальной жизни – депортация, эмиграция, суд и т. п. В то же время, наряду с примерами внезапных, неожиданных, «шокирующих» изменений, культурные травмы могут быть следствием и постоянно накапливающихся, продолжительных, медленных изменений (углубляющийся алкоголизм или наркомания, неизлечимая болезнь, распад супружеских отношений и т. п.).

2. *Коллективные травмы* касаются человеческих сообществ и приводят к дестабилизации или деструкции групповых культур, системы норм, ценностей, убеждений, вплоть до полной утраты групповой идентичности. Это могут быть как неожиданные, быстрые изменения (распад футбольной команды, банкротство фирмы и т. п.), так и медленные, накапливающиеся постепенно травматогенные изменения (деморализация войскового подразделения, коррупция в политической партии, нарастающий в группе конфликт и т. п.).

3. Травматические изменения называются *историческими*, когда травме подвергаются целые сообщества – цивилизации, регионы, этнические, национальные группы. Это могут быть как внезапные, непредвиденные изменения (войны, революции, ломка общественного строя, массовые миграции, экономические кризисы и т. п.), так и продолжительные, накопительные процессы (например, загрязнение окружающей среды, рост смертности населения, все большая интенсивность дорожного движения, распространение болезней, связанных с цивилизацией и т. п.) [6, с. 477].

Изменения в процессе трансформации могут быть описаны в рамках

теории хаоса, а не упорядоченной системы. В трансформирующемся обществе возможен парадокс, когда изменения не ведут к реальным переменам. Если в стабильном обществе изменения происходят постоянно, оно является действительно динамичным, то в трансформирующемся обществе неупорядоченные изменения обуславливают *нединамичный процесс*. Одним из признаков кризиса, переживаемого украинским обществом, является отсутствие перемен на фоне хаотичного бесплодного динамизма.

В трансформирующемся обществе, каким является Украина, особой остроты достигает противоречие между массовыми потребностями и возможностями их удовлетворения в массовых масштабах, что становится почвой для формирования кризисного сознания. Для *кризисного сознания* украинских граждан характерна растерянность, неустойчивость ориентации, ощущение утраты опоры; оно плохо управляемо, панично, склонно к агрессии. Кризисное сознание неидеологично, оно не имеет теории и программных предпосылок, оно не способно конструировать будущее. В силу усеченности представлений о будущем оно не способно проектировать жизненную стратегию в далекое будущее. Отсутствие детерминации будущим снижает социетальный уровень мотивации. Этим обуславливается огромная роль эгоистических, материальных устремлений, резкое снижение качества социальной активности. Те направления деятельности, которые связаны со стратегией, с отдачей в далеком будущем (теоретические, фундаментальные исследования, общие теории развития) как бы приглушают свою активность. Отказ от многодетности, от накоплений – это проявления кризисного сознания. Активное потребление, которое внешне выглядит как характеристика процветающего стабильного общества, на самом деле становится паническим потреблением, в отличие от активного общества, поскольку оно не связано с развитыми потребностями и излишками средств потребления.

Согласно данным репрезентативных социологических опросов по

международной программе ISSP в 2009 г. (украинская часть программы реализована учеными Института социологии НАН Украины и Киевского Международного Института социологии под рук. проф. С. А. Макеева), социальная структура общества имеет глубокий разрыв между большим нижним слоем и небольшими по численности слоями верхушки в иерархии социальных возможностей. Структурные разрывы не обеспечивают доступ большинства населения к необходимым ресурсам; дисфункциональность структуры не обеспечивает потребности самореализации человека и находит свое проявление в высоком социальном и институциональном недоверии граждан, в постоянных конфликтах ценностных ориентаций и поведения и, как следствие, – в неспособности общества (в таком структурном и функциональном состоянии) к устойчивому развитию [4, с. 181–184]. К сожалению, в современной Украине имеет место общественная атмосфера, характерная для социума, переживающего гражданско-политические катаклизмы на базе военного противостояния: доминирование радикальных оценок и характеристик у представителей различных политических взглядов, особенно на эмоциональном уровне; возрастание категоричности позиций и высказываний при одновременном повышении уровня подозрительности; уменьшение открытости межличностной коммуникации, использование угроз, обвинений и преследований на бытовом уровне; дальнейшее усиление накала ненависти между оппонентами, рост раздражения и агрессии; повышение уровня некритического восприятия социальной действительности; возрастающая поляризация по принципу «свой – чужой».

Центр социальных исследований «София» при содействии Украинского института социальных исследований имени А. Яременко с 16 по 21 октября 2014 г. провел опрос населения во всех областях, подконтрольных официальной власти Украины. Всего было опрошено 2 021 респондент старше 18 лет. Согласно полученным данным, большинство опрошенных отмечают наличие угрозы в Украине сепаратизма (76%), роста экстремизма (62,9%), противостояния между разными регионами Украины

(62,5%), международного терроризма (61,4%). Оценка этих угроз существенно выросла по сравнению с результатами исследований, проведенных в 2012–2013 гг. Единственный показатель, по которому оценка угроз снизилась по сравнению с 2013 г. – это ощущение угроз со стороны украинской власти (с 41,2% до 31,4%). Сейчас чаще такую угрозу ощущают жители Южного региона (45,8%), реже – жители Запада страны (16%). Граждане Украины достаточно низко оценивают уровень собственной защищенности от разнообразных угроз. К тому же, оценка защищенности от военной агрессии и террористических актов снизилась по сравнению с 2013 г. Незначительно возросло (с 10,4% до 15,2%) число тех, кто ощущает себя защищенным от попыток отчуждения их собственности, хотя процент тех, кто не чувствует себя защищенным в этой сфере, остается очень высоким (74,8%) [2].

Однако, по нашему мнению, кризис не исчерпывает определение трансформирующегося общества, а является только одним из его существенных характеристик. Кризис выражается в отсутствии успехов в процессе деятельности, в неуправляемости социальной системы, в регрессии к более ранним формам существования системы, когда люди начинают руководствоваться достаточно примитивными средствами для достижения целей. Но параллельно из хаоса выстраивается новый порядок, создаются новые образования со сложной структурой, вырабатывается новая знаковая система, другая парадигма, которая стремится реструктурировать ситуацию.

Украинские социологи очертили несколько *вариантов выхода из кризиса*:

– несмотря на сопротивление тех, кто считает движение по прежнему пути социальным самоубийством, все-таки побеждает традиционное определение ситуации;

– неспособность даже при использовании радикальных подходов решить социальные проблемы, поэтому их решение переносится на будущее;

– появляется *новая концепция* социально-политического развития (например, «постмодернизация» и разворачивается борьба за ее принятие) [3; 5].

Трудности разрешения кризисной ситуации состоят в том, что она выглядит не как эволюционно подготовленный результат предыдущего развития, а как радикально иной подход. Половинчатые решения на фоне уступок конкурирующих сторон противоречат логике развития концептуальных подходов. Трагизм ситуации состоит в том, что баланс политических сил не дает одной из концепций одержать победу, поэтому принимаются только компромиссные решения, а значит, наихудшие, неэффективные.

Обычно авторы выделяют благотворные или негативные факторы влияния кризиса на общественную систему, подчеркивают при этом, что кризис может быть неминуемым или случайным, который можно своевременно предотвратить. Мы считаем важным рассматривать кризис также и как переход системы в новое качество, создание качественно новой системы – тогда кризис выступает моментом развития. В то же время мы считаем важным в методологическом плане отличать кризис от катастрофы, которая означает разрушение системы, образование новой системы с худшими качествами или полное прекращение развития.

В методологическом плане необходимо различать собственно трансформацию и период трансформационного кризиса. Если трансформацию мы трактуем как особенное состояние общества, когда оно находится в процессе модификаций, со структурой, которая постоянно изменяется, то трансформационный кризис – это этап, переходная стадия от стабильного общества к трансформирующемуся. Преодоление кризиса может означать не смену социально-экономических условий существования, а изменение личностного взгляда на жизнь.

Учитывая системный характер трансформационного кризиса, важно описать основные тенденции в кризисном обществе с помощью понятий «тревожность» и «напряженность», которые возникают в системе при

условии продолжительной нерешенности социально значимых проблем. При этом необходимо различать конструктивную и деструктивную напряженность. Если *конструктивная напряженность* мобилизует людей к активному освоению культурных инноваций (люди адаптируются к изменившимся условиям и создают новые, а также формируют базу для дальнейших усилий), то *деструктивная напряженность* подталкивает людей к агрессивному отказу от освоения культурных инноваций и к их разрушению. Напряженность не может продолжаться долго, она разряжается в актах протеста или снижается после удовлетворения потребностей населения, проявляясь во вспышках недовольства или в депрессивных настроениях.

В силу этого возникают следующие *типы реагирования* на проблемы.

1. *Активно-разрушительный тип* поведения имеет две базовых ориентации: а) враждебность к модернизационным моделям – люди объединяются, чтобы противодействовать проникновению и распространению модернизационных образцов, вступают в борьбу с их носителями. По сути, речь идет о попытках разрушить новые потребности; б) стремление некоторых групп людей получить контроль над образцами модернизации, их проникновением и использованием. Они объединяются, чтоб вызвать массовое недовольство неудовлетворенностью возросших модернизационных потребностей. При этом они пытаются разрушать существующий в обществе отпор модернизационным изменениям.

2. *Пассивный тип* социального поведения характерен для людей, у которых нет стремления проявлять активность, направленную на удовлетворение потребностей собственными силами: а) одна часть людей объединяется на основе акцентуации привычных культурных стереотипов: им придается статус «традиционных ценностей», «культурного наследия»; б) другая часть в принципе признает позитивный смысл модернизационных образцов, но подчеркивает, что без них вполне можно обойтись.

В обоих случаях эти люди пытаются защитить себя от новых

культурных образцов, они скорее минимизируют, сократят, свернут свои собственные потребности, припишут повышенную ценность уже существующим объектам, чем мобилизуют усилия для активизации модернизационных процессов.

3. *Конструктивный тип* поведения – люди объединяются, чтоб создать условия для возрождения собственными силами тех модернизационных представлений (вещей, знаний, технологий, качества жизни), которые при заимствовании извне оказались наиболее целесообразными. Часть таких людей сосредоточена на воссоздании тех элементов среды, которые обеспечивают удовлетворение потребностей. Другая часть отдает предпочтение изменившимся интересам и с наименьшим добавлением новизны стремится создать условия для удовлетворения новых потребностей собственными силами. В обоих случаях проявляется ориентация на изменение элементов окружения, на их приспособление к собственным потребностям, а там, где это оказывается невозможным, на переориентацию запросов, но в модернизационном, а не традиционном направлении [3, с. 118–119].

Конструктивная ориентация на недостаточную освоенность культурных инноваций проявляется в активном стремлении освоить новые знания и навыки. Люди с такой ориентацией готовы тратить дополнительное время и усилия на обучение и переобучение, пытаются реализовывать полученный опыт с целью улучшения условий своего существования. В ходе такого освоения они обычно активно проявляют доступный им культурный потенциал.

Оценивая в целом реакции на модернизационные процессы в Украине, можно отметить, что позитивные мотивы для осуществления трансформационных преобразований ослаблены, мотивы носят в основном негативный характер, опираются на вынужденные действия по обеспечению выхода из глубокого кризиса. Эгоистические и разнонаправленные мотивы препятствуют совместным усилиям по модернизации общества.

Базируясь на концепции безопасности, ориентированной на человека (individual-centred) [1; 5], стратегические цели социальной политики в Украине необходимо, по нашему мнению, определять следующим образом: достижение ощутимого улучшения материального положения и условий жизни людей; обеспечение эффективной занятости населения, повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы; гарантия конституционных прав граждан в области труда, социальной защиты населения, образования, охраны здоровья, культуры; обеспечение прав и социальных гарантий, предоставляемых семье, женщинам, детям и молодежи; нормализация и улучшение демографической ситуации; существенное улучшение социальной инфраструктуры.

Список использованной литературы

1. Акимов Д. И. Социальная безопасность и роль социального маркетинга в ее обеспечении / Д. И. Акимов // *Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць*. Вип. 16. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2010. – С. 290–292.
2. Електоральні орієнтації населення. Результати соціологічного дослідження : Аналітичний звіт [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.razumkov.org.ua.../1412757450-file.pdf> (дата обращения: 28.12.2015).
3. Катаев С. Л. Українське суспільство / С. Л. Катаев. – Запоріжжя : ГУ «ЗІДМУ», 2005.
4. Куценко О. Д. Соціальна структура українського суспільства (суб'єктивні виміри у порівняльному контексті / О. Д. Куценко // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць*. Вип. 18. – Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2012. – С. 177–184.
5. Подольская Е. А. Управление социальными процессами : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. А. Подольская, В. Н. Назаркина. – Харьков : Изд-во НУА, 2016. – 524 с.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества /

П. Штомпка. – Москва : Логос, 2005. – 755 с.